

аграрного производства. Они позволяют также ориентировочно определить и вклад отдельных регионов в продовольственный баланс страны, а также выявить роль отдельных категорий хозяйств как в аграрное производство в целом, так и по его отдельным видам продукции.

Список использованной литературы и источников

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 1562. — Оп. 323. — Д. 48.
2. РГАЭ. — Ф. 1562. — Оп. 324. — Д. 1492.

Информация об авторе

Мотревич Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

Author

Vladimir P. Motrevich — Doctor habil. (History), Professor, Department of History of State and Law, Ural State Law University, 21 Komsomolskaya str., 620137, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru.

УДК 930(571.53)
ББК 63.3(253.7)

А.В. ШАЛАК

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН

Исследуется влияние двух мировых войн на условия жизни населения и социальную политику органов власти в регионе. В статье констатируется, что социальное положение населения в условиях обеих войн определялось во многом совпадающими факторами, однако характер социальной политики в условиях Великой Отечественной войны имел гораздо больше принципиальных отличий от аналогичных усилий государства в период Первой мировой.

Ключевые слова: война, условия жизни, социальная политика, социальная обеспеченность, социальная помощь.

A. V. SHALAK

IRKUTSK OBLAST POPULATION LIVING CONDITIONS: COMPARATIVE STUDY IN TERMS OF TWO WORLD WARS

The article studies the influence of two world wars on the population living conditions and governmental social policy in the region. The article

states that social condition of the population during both wars was determined by mostly coincident factors, while the nature of the social policy during the Great Patriotic War had much more principal differences from the social policy during the First World War.

Keywords: war, living conditions, social policy, social security, social aid.

Два грандиозных события мировой и отечественной истории занимают совершенно разное место в общественном сознании, да и со степенью их изученности существует такое же несоответствие, в том числе по объему опубликованных архивных документов. Если отношение к Великой Отечественной войне, сформированное в советский период, не подвергалось сомнению подавляющим большинством исследователей и в постсоветский период, то история участия России в Первой мировой войне, по сути, реанимирована накануне отмечаемого юбилея, 100-летия со дня ее начала. К этой дате приурочен выпуск сборника архивных материалов, отражающий историю Иркутской губернии во время «великой войны», что позволяет ознакомиться со многими документами в открытом доступе.

Изданный сборник состоит из двух разделов: в первом опубликованы документы, отражающие влияние войны на различные стороны жизни в Иркутской губернии, во втором — дневники, письма личного характера с описанием, как правило, действий на фронте, либо в прифронтовой полосе. Такой подход является уже традиционным и вполне оправданным: пласт мемуарной литературы крайне мал, поэтому обращение к микроисторическим зарисовкам-воспоминаниям представляет несомненную ценность. Кроме того, при таком изложении обеспечивается непосредственная связь событий на фронтах, участниками которых стали жители региона, с жизнью в глубоком тылу. То, что некоторые документы из этого раздела уже опубликованы ранее (см. напр., [13]), не снижает востребованности в подборе и публикации подобного рода материалов.

Поскольку Иркутская губерния являлась глубоким тылом Российской империи, то в документах нашли отражение прежде всего события, связанные с перестройкой общественной жизни на военный лад, помощь эвакуированным, размещение военнопленных, противозидемические мероприятия и прочая деятельность, характерная для тылового региона.

Каким образом коррелируются различные факторы, влияющие на социальное положение населения и социальную политику органов власти в период мировых войн?

Сравнивая степень влияния войн на повседневную жизнь населения региона, отметим, что масштабы непосредственного вовлечения жителей региона как в военные действия на фронтах, так и в различного рода мобилизационные мероприятия существенно отличаются только по отдельным направлениям. Согласно данным статистического ежегодника

России, на 1 января 1914 г. в Иркутской губернии проживало 750,2 тыс. человек, из них 385,4 тыс. мужчины и 364,8 тыс. женщин [14]. В разнообразной справочной литературе указывается, что удельный вес призванных во время Первой мировой войны в Иркутской губернии составлял 11,5 % (для сравнения, в Енисейской губернии — 9 % населения, в Якутской области — 0,4 %, в Забайкальской — 13,0 %. По России в среднем призвали 11,2 %). Несложные расчеты показывают, что 11,5 % призванных по отношению к мужской части населения это, примерно, 44,5 тыс. человек, или 6,6 % населения губернии (в различной литературе без ссылок на документы указывается, что из Иркутской губернии было призвано на фронт около 50 тыс. человек [см.: например, 12]

Приведенные расчеты коррелируются с аналогичными данными периода Великой Отечественной войны следующим образом. Перед войной в Иркутской области проживало 1351,8 тыс. чел, из них на фронт ушли более 200 тыс. человек (14,8 % населения области, если за основу взять минимальную цифру в 200 тыс. человек) [15, с. 52]. То есть масштабы и «плотность» мобилизации в регионе в 1941–1945 гг. были более чем в два раза выше, в сравнении с периодом Первой мировой. Поэтому влияние Великой Отечественной войны на социальное положение населения, несомненно, более масштабно и глубоко.

Типичным являлось поведение население в начальный период войны. Население вело себя спокойно, была полная уверенность, что Германия и ее союзники будут разгромлены. Как покажут дальнейшие события, подобные ожидания являлись завышенными, но демонстрировали высокий уровень поддержки государства. При этом следует отметить такую деталь: по Восточно-Сибирскому военному округу, который включал четыре региона (Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области) добровольцами ушли на фронт 1230 человек [11]. К сожалению, исследователи не располагают данными о количестве добровольцев в годы Великой Отечественной войны, однако не вызывает сомнений, что их удельный вес в период 1941–1945 гг. был во много раз выше. Но в отличие от Отечественной войны 1941–1945 гг., выраженная поддержка со стороны населения государству в начале Первой мировой не пролонгировалась на дальнейший период. И это при том, что социальные последствия участия России в Первой мировой не являлись столь катастрофическими, в сравнении с Великой Отечественной войной. Данное обстоятельство нашло отражение и в том, что население губернии проявляло все меньше желания участвовать в различных мероприятиях по оказанию помощи беженцам, пострадавшим территориям. Советская же политическая система осуществляла деятельность в этом направлении не только в течение всей войны, но и в первые послевоенные годы, в том числе эта помощь распространялась на страны Восточной Европы.

Для начального периода войны характерно установление жесткого контроля над теми гражданами, которые потенциально являлись в данном конфликте представителями враждебной цивилизации. В 1914–1915 г. имело место открытая зачистка германских и австрийских подданных. Перед началом Первой мировой войны на территории губернии проживала прослойка немецких и австрийских граждан, имеющих, как правило, здесь свой бизнес. Они были объявлены военнопленными и заключены под стражу. Как следует из опубликованного дневника И.И. Серебренникова, первоначально в Иркутске они содержались в Крестовоздвиженском училище [12, с. 23].

Осенью 1914 г. началось массовое выселение немцев из приграничной полосы, одновременно осуществлялась замена немецких названий населенных пунктов на русские. 15 ноября 1914 г. была запрещена пересылка и переводы денежных сумм, ценных бумаг, благородных и драгоценных камней «неприятельским подданным и учреждениям, находившимся вне пределов России». В соответствии с положением Совета Министров, свою деятельность они могли закончить до 1 июня 1915 г. При этом их финансовая деятельность ставилась под контроль правительства. Преследование не касалось предпринимателей-славян, являвшихся подданными Германии и Австро-Венгрии, и православных подданных Турции. Со второго полугодия 1915 г. предприятия иностранцев — выходцев из неприятельских стран были ликвидированы, переданы в казну, а затем часть из них проданы частным лицам [7, с. 81–82; 16, с. 72–75]. Таким образом, в годы Первой мировой войны российские власти национализировали предприятия, принадлежавшие этническим немцам, подданным Германии и Австро-Венгрии.

Кроме того, в соответствии с политикой трудового протекционизма, запрещалось применение труда иностранных рабочих на государственных предприятиях и регламентировалось его использование в частной промышленности. Одновременно запрещался прием на работу лицам, не имеющим права проживания в данной местности. 2 сентября 1916 г. иркутским генерал-губернатором А. Пильцем было подписано специальное распоряжение по этому поводу. В то же время отношение к военнопленным, которые стали появляться на территории губернии уже осенью 1914 г., было достаточно спокойным. В начальный период войны они практически без охраны могли разгуливать по городу, беседовать с горожанами. Особенно это имело отношение к военнопленным славянских государств, отношение к которым у горожан по сути было сочувственное.

В советский период слоя предпринимателей и просто граждан Германии на территории Иркутской области не имелось, но аналогичные меры имели место в отношении советских граждан немецкого происхождения. Они лишались гражданства СССР (им выдавался «вид на жительство»), как лишенные гражданства, они исключались из рядов

ВКП(б), подлежали увольнению из рядов Красной армии, органов власти [15, с. 183–184]. По указу Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в Поволжье» было депортировано с конфискацией имущества 950 тыс. немцев [3, с. 9].

Множество параллелей отслеживается в области социальной политики. Прежде всего это вопросы социального обеспечения семей военнослужащих. С началом Первой мировой войны к решению проблемы активно подключились местные управы и общественные организации. Например, уже шестого августа 1914 г. Нижегородская городская дума принимает решение: вывесить на городских витринах объявление с приглашением женам запасных обратиться с заявлением о выдаче пособий в городскую управу. Создается общественная комиссия по обследованию семейного и имущественного положения семейств нижних чинов, призванных на действительную службу, открывается сбор пожертвованных деньгами и вещами [12, с. 29]. Одновременно городская управа обязуется оказать помощь в уборке хлеба с полей, хозяева которых призваны на военную службу. Все расходы, которые не диктовались военной обстановкой, были отложены [12, с. 30–31]. В Тайшетской волости такая помощь на сельскохозяйственных работах оказывалась только тем, кто по причине несостоятельности, были неспособны организовать работы путем найма. В этом случае им оказывалась поддержка либо личным трудом, либо выдачей денег из общественных капиталов [12, с. 34]. Отметим, что данная помощь предлагалась местными властями в дополнение к официальной казенной продовольственной помощи семьям военнослужащих.

К середине ноября 1914 г. в сельских местностях губернии действовали 66 комитетов и волостных попечительств по оказанию помощи семьям военнослужащих [12, с. 47]. Их средства слагались из членских взносов, пожертвований, ассигнований сельскими обществами и товариществами, сбора в церквях и учреждениях, устройства концертов, продажи флажков и т.д. [12, с. 48]. Служащие Иркутского реального училища приняли решение на весь период войны отчислять 2 % своего содержания в пользу раненных воинов и семей, призванных на военную службу, а дети ушедших на фронт освобождались от платы за учебу [12, с. 52].

Солдатские семьи, которым предназначались собираемые средства в губернии, делились на три разряда: нуждающиеся, менее нуждающиеся и совсем не нуждающиеся [12, с. 50]. Средства в первую очередь предназначались нуждающимся детям. Иркутским комитетом Всероссийского союза городов регулярно проводились компании по сбору вещей и продуктов для раненных и больных воинов, пострадавшего населения, наших военнопленных. Эти акции тщательно планировались. Город делился на участки. В каждом участке сбор проводился один день, и заведовали им особо избранные от членов комитета и попечительства. В их

распоряжении находились сборщики, фургоны, телеги. Пожертвованные вещи укладывались в специальные ящики. Одни ящики предназначались для продуктов, другие для новых вещей, третьи для старых вещей. Старые вещи отправлялись в дезинфекционные пункты. Привозимые вещи сдавались под расписку дежурящим в складах членам комитета по описи. Гражданам, которые жертвовали вещи, выдавалась специальная квитанция, в которой расписывались подробно все вещи. На квитанцию ставилась печать комитета и подпись сборщика. Сбор вещей происходил только на улицах и во дворах. Сборщикам не разрешалось входить в квартиры граждан. Каждый сборщик был в особом фартуке или белом халате со специальным значком с красным крестом в центре. Телеги украшались флагами и плакатами. Все участники акции перед началом кампании собирались в городской управе, где проводился молебен [12, с. 112–113].

Важным направлением патриотической деятельности иркутян стало создание кооперативных организаций, занимавшиеся закупкой у населения муки, сала, мяса и других продуктов для отправки их на фронт. В Летописи Иркутска отмечается, что наиболее активно работали «Кооператор», «Труженик», «Общество потребителей Забайкальской железной дороги». Однако эта деятельность сдерживалась неразвитостью коммуникаций. Железная дорога не справлялась с перевозками. Даже собранная продукция своевременно не отправлялась на фронт и портилась в местах скопления [6, с. 337–339].

Организация помощи семьям военнослужащих, фронтовикам, инвалидам в период Великой Отечественной войны имела свои особенности. Нет свидетельств, чтобы ее организация осуществлялась в столь торжественной обстановке. Кроме того, эта работа проводилась с опорой на трудовые коллективы и жестко фиксировалась по административной линии. Сбор вещей проводился по командам и разнарядкам, которые поступали в предприятия и организации, с указанием чего и сколько сдать. Это же имело место и при проведении денежных займов у населения. Вот лишь небольшая выдержка из постановления бюро Тулунского райкома партии «О ходе реализации 4-го Весеннего займа»: «Обязать секретарей партийных организаций, председателей сельских советов и колхозов, уполномоченных РК в колхозах... в трехдневный срок выполнить план подписки... Организовать сбор наличных средств... путем массового выезда колхозников на базар с продуктами» [15, с. 69]. Очевидно, что в условиях жесткой централизованной системы управления по-другому не могло происходить. Одновременно это не означает, что усилия власти в данном направлении не опирались на широкий встречный отклик самого населения. Огромное количество архивных документов подтверждают вполне лояльное отношение жителей области к вопросам оказания помощи. Но в условиях Первой мировой

войны общественные организации обладали реальной самостоятельностью, могли не только инициировать от своего имени работу в данном направлении, но и организовать ее. Не создавались и кооперативные организации, которые, как в годы Первой мировой войны, занимались заготовкой продуктов питания у населения для нужд фронта. Данная работа возлагалась на государственные предприятия и учреждения, колхозы в форме разнарядки.

Масштабы поддержки со стороны населения также были также неопоставимо большими в годы Великой Отечественной войны. Практически все население области на протяжении войны участвовало в оказании всевозможной помощи, отдавая последнее, самое необходимое в повседневной жизни. Жители области принимали участие в укреплении фонда обороны, финансовой мощи страны (подписка на заем, участие в денежно-вещевой лотереи, фонда вооружений для Красной Армии). Только по перечисленным формам помощи трудящиеся Восточной Сибири внесли более 3,6 млрд р. Кроме этого ими было собрано за годы войны, примерно, 2467 тыс. теплых вещей, послано на фронт подарков 702 вагона [15, с. 69].

Тыловые районы решали еще одну чрезвычайно важную задачу — прием раненных с места боевых действий. Как следует из документов, в первые недели войны местные власти в Иркутской губернии ориентировались на прием значительного количества раненных. С этой целью принимались соответствующие решения. Журнал заседаний Иркутской городской управы от 12 сентября 1914 г. свидетельствует, что предполагалось создание новых мест в уже действующих лечебных учреждений. Для этого им выделялись соответствующие кредиты на организацию дополнительных койко-мест. До января 1915 г. планировалось изыскать средства на 135 лечебных коек [12, с. 37–39]. Причем средства должны были выделяться за счет местных ресурсов. Второе направление — изыскание соответствующих помещений под лечебные учреждения с соответствующим финансированием. Кроме этого предлагалось привлечение населения Иркутска к посемейному призрению раненных, не требующих специального больничного ухода [12, с. 37]. Идея патронирования раненных была реализована в начале войны в европейской России и ее было предложено перенести на Иркутскую землю.

Однако, как показали дальнейшие события, планируемые мероприятия в отношении возможного приема раненных и все тревоги, связанные с этим, носили преждевременный характер. Раненных на фронтах Первой мировой войны в Иркутск не эвакуировали и потребности в организации дополнительных местных лазаретов не возникло.

Основная деятельность в этом направлении была реализована в иной форме: уже к началу 1915 г., благодаря усилиям Иркутского комитета Российского общества Красного креста, был устроен и отправлен

на фронт Первый Иркутский Лазарет на 100 мест [12, с. 68]. Кроме того, в Иркутске был создан Питательный пункт и Приют для прибывающих эвакуированных с фронта воинов. Здесь они могли несколько дней отдохнуть, сходить в баню, сменить белье получить бесплатное довольствие. Приют был рассчитан на 20 коек и принял первых постояльцев 14 февраля 1915 г. [12, с. 89]. До 7 марта через приют прошло 71 человек. Большинство останавливались на один-три дня. Актуальность этой проблемы объяснялась тем, что на протяжении от Челябинска до Иркутска не было ни одного питательного остановочного пункта. Все это расстояние воины проезжали, не выходя из вагонов, а многим нужно было ехать дальше в Амурскую или Приморскую области. Одновременно в мае 1915 г. городская управа принимает решение об устройстве в городе госпиталя для больных и раненных воинов Иркутской губернии [12, с. 93]. Первые раненные появились в Иркутске в январе 1915 г. Тогда же в городе создается попечительский комитет по размещению раненных и оказанию им помощи и организован сбор средств на их содержание. Иркутское отделение Красного Креста выделило из своего фонда 5 тыс. р. на открытие лазарета на 14 коек при Мариинской общине, а Иркутское отделение Сибирского общества помощи больным и раненым в феврале 1915 г. совместно с Комитетом Союза российских городов открыли несколько больничных приютов, в которых с 15 февраля по 1 сентября лечилось 562 раненных [6, с. 138].

Организация лечебного дела в Иркутске в годы Великой Отечественной войны была несопоставимо масштабнее, чем в годы Первой мировой. Как явствует из докладной записки начальника отдела эвакуационно-госпиталей областного отдела здравоохранения, датированной 7 марта 1945 г., в области на это время размещалось 20 эвакуационных госпиталей, из них 15 непосредственно в г. Иркутске. Вне Иркутска госпитали размещались в Слюдянке (на 200 коек), Зима (на 200 коек), Свирске (на 250 коек), Тулуне (на 200 коек), курорт Усолье (на 600 коек). Вся штатная коечная сеть области составляла на этот период семь тысяч коек и еще 1400 временных [2, с. 175–176]. То есть социальная нагрузка на регион в данный период была несопоставимо выше. Она включала организацию прачечного дела, заготовку дров, поиск дополнительных продуктов питания и многое другое.

Расформирование госпиталей началось в конце сентября 1945 г. К 25 октября было закрыто 11 госпиталей. Пять эвакуационных госпиталей были преобразованы в госпитали для лечения инвалидов Великой Отечественной войны, при этом количество больничных коек в них резко сокращалось (всего на 800 мест). Эвакуационные госпитали в Тулуне, Зима и один из эвакуационных госпиталей г. Иркутска на базе 8-й школы, преобразовывались в госпитали для лечения японских военнопленных. [2, с. 198–202]. Реабилитация раненных после окончания основного лечения осуществлялась

в различных лечебных санаториях, что было также характерно и для периода Первой мировой войны.

Как и в годы Великой Отечественной войны жители области принимали участие в оказание помощи территориям, которые оказались непосредственно в зоне боевых действий. В годы Первой мировой неоднократно на территории области организовывался сбор средств населению Польши, как наиболее пострадавшему. Первый такой сбор был организован в Иркутске с 8 по 14 ноября 1915 г. Впечатляют и объемы пожертвований: населению Царства Польского от жителей губернии было отправлено 5 вагонов разного рода вещей [12, с. 69]. Прием пожертвований проводился также в помощь разоренному населению Галиции, Сербии, Черногории, а также в пользу беженцев армян.

Однако уже в 1916 г. происходит довольно резкое сокращение помощи. Газета «Иркутские губернские ведомости» писала, что «попытки организовать такого рода помощь путем сбора добровольных пожертвований не дали значительных средств и не привлекли достаточного внимания отдельных благотворителей». Это объясняется тем, что изнурительная война продолжалась уже третий год, ее огромные расходы легли тяжелым бременем на плечи каждого [9, с. 1].

Отметим также, что уже через год после начала войны цены на товары первой необходимости в Иркутске резко выросли. В частности, цена на чай, обувь, спички выросла в два раза, грубое сукно на 125 %, табак на 80 %, сахар на 40 % [4, с. 288]. А 1916-й год из-за засухи оказался неурожайным, что еще более усугубило проблему продовольственного снабжения. В этих условиях социальная помощь не только регионам, пострадавшим от военных действий, но и прибывшим в Иркутскую губернию эвакуированным практически оказалась свернутой. Помощь по казенной линии сохранялась, но рост цен практически сводил эту помощь к нулю.

В годы Великой Отечественной войны население области также оказывало помощь в восстановлении оккупированных территорий, помощь же населению освобождаемых советской армией других государств оказывалась в основном по государственной линии. Населению в это время уже практически нечего было жертвовать.

В годы Первой мировой войны Иркутская губерния была вынуждена принять огромное число военнопленных, что также стало серьезным фактором, влиявшим на социальное положение местного населения. Использовать их труд, несмотря на дефицит трудовых ресурсов, можно было только на различных земляных работах, благоустройстве города. Подобные работы проводились тогда только в теплое время года, а до этого военнопленных нужно было содержать, кормить, одевать, что требовало от городских властей значительных расходов. Возмещались городским властям лишь расходы на содержание военнопленных, да и

то не полностью. Городские власти определили для себя оптимальную цифру приема военнопленных в 1000 человек [12, с. 40–41]. Однако тревоги городских властей, связанные с размещением военнопленных непосредственно в Иркутске, не оправдались: на апрель 1915 г. в Иркутске насчитывалось всего 170 военнопленных. Основная масса военнопленных была размещена вне столицы губернии: на станции Иннокентьевская (ныне это Иркутск II) — 5400 человек, тысяча военнопленных была размещена в г. Нижнеудинске. Как Иркутск, так и губерния оказались в более выигрышном положении в сравнении с соседними регионами. Например, в г. Красноярске на этот же период насчитывалось 12 тыс. военнопленных, в Ачинске 2300 человек, в Канске — 5500 человек [12, с. 15]. То есть соседний регион принял военнопленных в три раза больше, чем Иркутская губерния.

В 1915 г. началось широкое применение на городских промышленных предприятиях труда военнопленных, а также беженцев и контрактанных иностранных рабочих (китайцев, корейцев). Наивысших размеров использования этих контингентов рабочей силы достигло в 1916–1917 гг. Военнопленные на частные предприятия направлялись по заявке владельцев, их охрана обеспечивалась местной полицией, а численность не должна была превышать 15 % от числа работающих [10, с. 198].

В годы Великой Отечественной войны основная масса военнопленных размещалась на территории Западной Сибири и Красноярского края. При этом партии военнопленных в Иркутскую область были направлены уже после окончания войны. Как следует из решения Иркутского облисполкома «О распределении военнопленных немцев для работы на предприятиях области» от 4 июня 1945 г., всего область должна была принять 15 тыс. немецких военнопленных, которые размещались в 14 лагерях [2, с. 184–186]. В послевоенный период в область прибыл и большой контингент японских военнопленных, а также репатриированного населения из западных районов страны.

Важной составляющей условий жизни населения в годы Первой мировой войны являлись противоэпидемические мероприятия. Опасность распространения заразных заболеваний среди населения губернии была связана прежде всего с приездом раненных, военнопленных, эвакуированного населения. Опасность эпидемических заболеваний особенно резко выросла весной, с приходом тепла. Поэтому с начала марта 1915 г. данная тема актуализируется в решениях органов власти Иркутской губернии. В частности ставится вопрос об организации под Иркутском на ст. Иннокентьевская особого обсервационного пункта для проходящих через ст. Иркутск эшелонов военнопленных, с устройством там особой заразной больницы, дезинфекционной камеры, бани. При этом иркутские власти обращались со специальной просьбой не допу-

скать прохождение эшелонов с острозаразными больными через Иркутск. Аналогичную больницу на 500 мест предлагалось построить и в самом Иркутске (на месте провиантских барачков) [12, с. 81–82].

Острота этой проблемы была связана и с притоком в губернию большого количества беженцев. Первые беженцы стали впервые прибывать осенью 1915 г. Беженские потоки, как правило, двигались с западных губерний на восток, постепенно оседая в Центральной России, затем в Западной Сибири, и, наконец, попадали в Восточную Сибирь. Даже относительно небольшой приток беженцев являлся тяжелым бременем для местного бюджета. Поднимались цены на квартиры, продукты питания, не оставалось свободных мест для трудоустройства. Беженцы, пробыв в пути более 70 дней, прибывали больными и истощенными, нуждались в экстренной медицинской помощи, тем самым занимали места в имеющихся в крае немногочисленных больницах. Тем не менее в регионе оказывали прибывшим посильную помощь. Количество приютов для беженцев росло очень быстро. Если в конце сентября 1915 г. в Иркутске насчитывалось 8 приютов, то в конце октября этого же года уже 18. А численность беженцев в них выросла в три раза, до 300 человек. На конец ноября приток беженцев ожидался до двух тыс. человек, на что требовалось изыскать не менее 15 тыс. р. в месяц [12, с. 108]. Собрать такую сумму за счет благотворительности было нереальным делом. Проблема могла решаться только с помощью казенных средств. Большое значение для этой категории населения имел Закон об обеспечении нужд беженцев, принятый Государственной Думой 30 августа 1915 г. Законом определялся статус беженца, правовые основы социальной работы с пострадавшими от военных действий, а основная работа в данном направлении возлагалась на МВД и Главноуполномоченных по устройству беженцев [8, с. 112–115].

Однако наличие правовой основы не могло привести к автоматическому решению социальных проблем беженцев. Как следует из протокола Иркутской городской думы от 30 октября 1915 г., в городе на это время было уже три тысячи беженцев, еще 500 находились в Иннокентьевской. Ожидалось прибытие из Красноярска еще 2800 беженцев [12, с. 110]. Такой приток беженцев оказался неожиданным для местных властей и подготовиться к более-менее нормальному приему они не имели возможности. Наиболее острым являлся жилищный вопрос. Беженцы заполнили практически все казенные здания, в том числе под жилье были приспособлены три построенные школы (Иннокентьевской, Ломоносовской и Троицкой).

К концу 1915 г. поток беженцев в России неуклонно возрастал и составлял 2 706 309 душ, из них в Сибири осело 78 531 чел., в том числе в Иркутской губернии — 9052 чел. [8, с. 113]. Как следует из расчетов С.Ч. Мантуровой, трудоспособными являлась лишь половина прибыв-

шего контингента беженцев, из них 75 % не имели работы и существовали за счет пайков и благотворительной помощи. 80 % беженцев являлись крестьянами и не могли себе найти работу в городах. В связи с этим, в марте 1916 г. Министерство внутренних дел принимает решение, согласно которому всех беженцев из крестьян рекомендовалось расселять в сельские местности, где «они могли бы заняться привычным для них сельскохозяйственным трудом». Уклоняющихся от сельхозработ предписывалось наказывать лишением пайка и квартир. На питание беженцев выделялось 30 к. в сутки, переезд на подводах до населенного пункта осуществлялся из расчета 2 к. за версту, на баню и мыло по 10 к. в месяц на человека [12, с. 135–136]. Деятельность по оказанию помощи беженцам продолжалась вплоть до октября 1917 г., т.е. до революционных событий, в корне изменивших политическую ситуацию в стране. Однако масштабы деятельности по оказанию помощи беженцам сокращались и уже в 1917 г. помощь оказывалась адресная только тем, кто оказался в наиболее бедственном положении. Это касалось вдов с малолетними детьми, инвалидов, калек и т.п. К этому времени положение широких слоев населения уже практически ничем не отличалось от условий, в которых проживали беженцы.

Скопление только в городе почти шести тысяч беженцев резко обострило эпидемическую обстановку. В ряде беженских казарм возникли эпидемии скарлатины, дифтерии, брюшного тифа, дизентерии. Заболеваемость в Иркутске заразными болезнями резко выросла. В сравнении с 1914 г., заболеваемость натуральной оспой в 1915 г. выросла с 16 случаев до 254, брюшным тифом с 89 случаев до 723, сыпным тифом с одного случая до 110 [4, с. 301]. Поскольку губернская администрация не смогла своевременно подключиться к решению этой проблемы, то городская управа запросила у думы разрешение на кредит в 150 тыс. р. на экстренные меры по борьбе с эпидемией [12, с. 122].

В целях сдерживания распространения эпидемий на территории губернии было введено раздельное обучение детей беженцев. В большинстве случаев они обучались в городских школах, но в другие смены, чтобы свести к минимуму контакты между школьниками [12, с. 117–118].

В годы Великой Отечественной войны перемещение эвакуированного населения и его размещение регламентировалось органами власти. Основной контингент эвакуированных прибыл со своими предприятиями и практически сходу включался в работу. Основная масса эвакуированных прибыла в течение первого года войны. На начало 1943 г. на территории Иркутской области проживало 24 тыс. эвакуированных [15, с. 175], что в три раза превышало аналогичный показатель в годы Первой мировой. Кроме эвакуированных, на территорию области из других регионов прибыли тысячи людей в рамках так называемого планового перемещения, которых селили в основном в сельской местности и в

местах рыбозаводов. Еще одним отрядом переселенцев на территории области в годы Отечественной войны были так называемые рабочие и строительные колонны, состоящие в основном из таджиков, узбеков, казахов. На начало 1944 г. их численность по Иркутской области превышала три тысячи человек [15, с. 180]. Таким образом, и в решении этих вопросов социальная нагрузка на местное население, за счет которого прежде всего требовалось изыскать продукты питания, товары первой необходимости на местах, в годы Великой Отечественной войны являлась значительно выше.

В годы Первой мировой войны актуальной являлась и помощь воинам инвалидам. Образование это специфической социальной группы впервые в регион произошло в ходе Первой мировой войны и ее наличие требовало от властей комплекса определенных мероприятий по социальной адаптации ее членов, а также оказание посильной помощи. Для небогатых сельских жителей инвалиды являлись обузой. Многие были вынуждены возвращаться из деревень обратно в Приют и просить помощи. Резко выросло число нищих-калек. Одновременно часть инвалидов обращалась с просьбой о приобщении их к определенному ремеслу — сапожному, портному, кузнечному. Поступали от них просьбы и в помощи в приобретении грамоты. В сентябре 1916 г. принимается решение о создании областного Инвалидного дома [12, с. 142]. Серьезным недостатком в этой деятельности являлось отсутствие учета инвалидов в губернии. Поэтому какой-либо системной работы по оказанию помощи этой социальной группе в губернии не велось. Только в сентябре 1916 г. ставится вопрос о необходимости установления численности всех инвалидов.

В годы Великой Отечественной войны такой учет не только был налажен, но и помощь со стороны органов власти и местного населения носила гораздо более разносторонний и разнонаправленный характер. 6 ноября 1941 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по трудовому устройству и обучению инвалидов Отечественной войны», а 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны». В соответствии с данными постановлениями в каждом регионе страны были созданы областные комиссии, занимавшиеся этими вопросами. На начало 1946 г. в области насчитывалось 12 719 инвалидов Отечественной войны, из них было устроено на работу 9856 человек и обучалось 404. Не было трудоустроено 587 человек инвалидов третьей группы, которые по законам того времени были обязаны работать. Поэтому объемы оказываемой всевозможной помощи инвалидам в период Отечественной войны была несравненно выше, чем в годы Первой мировой. Тогда в условиях надвигавшегося гражданского хаоса данная группа населения оказалась, по сути, брошенной.

Таким образом можно констатировать, что на социальное положение населения региона в период мировых войн оказывали воздействие

идентичные факторы. Совпадение этих факторов обусловлено тем, что регион в обеих войнах являлся глубоким тылом, а также тем, что эти войны разделяет совсем небольшой отрезок времени, чуть больше 20 лет. Однако степень влияния отдельных факторов существенно отличается. Практически все отмеченные явления в период Великой Отечественной войны носили гораздо более масштабный характер и, следовательно, оказывали более серьезное воздействие на социальное положение населения. Тем не менее, влияние этих факторов не сказалось на социальной стабильности и не имело тех политических последствий, которые в конечном итоге завершились массовым дезертирством с фронта и катастрофой для Российской империи. Советская мобилизационная система оказалась более эффективной в области решения социальных проблем и сглаживания негативного влияния войны на условия жизни. К тому же распределительная система в совокупности с теми общественными отношениями, которые оформились в основном в 1930-е гг., нивелировали социальные различия, не позволяли откровенно наживаться отдельным слоям населения, как это было с буржуазией в годы Первой мировой войны. Если в начальный период войны в губернии в области решении социальных проблем активное участие приняли структуры гражданского общества, то по мере ухудшения материально-бытового положения населения их деятельность была свернута. То есть именно тогда, когда помощь со стороны имущих слоев была в наибольшей степени востребована, она перестала оказываться. С другой стороны, политическая хаотизация и нерешительность государства, так и не сумевшего пойти на жесткие ограничения в политической сфере на период войны, в конечном итоге свели на нет усилия органов власти в области социального обеспечения семей военнослужащих, инвалидов, беженцев. Сказывался и невысокий уровень развития промышленного потенциала губернии, на базе которого можно было улучшить материальное положение населения непосредственно в регионе. В годы Великой Отечественной войны органы власти имели гораздо больше возможностей на основе имеющегося в регионе экономического потенциала развивать местную промышленность, используя местное сырье и отходы основного производства предприятий союзного и республиканского подчинения. Это позволило сглаживать негативные последствия войны на социально-бытовую инфраструктуру, обеспечить население простейшими товарами первой необходимости. Нет никаких свидетельств, что местные органы власти Иркутской губернии пытались подобным образом решать проблемы снабжения населения в годы Первой мировой войны.

Таким образом, если социальное положение населения в условиях обеих войн определялось во многом совпадающими факторами, то характер социальной политики в условия Великой Отечественной войны

имел гораздо больше принципиальных отличий от аналогичных усилий государства в период Первой мировой.

Список использованной литературы и источников

1. Гордеев О. Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 — февраль 1917 гг.) [Электронный ресурс] / О. Ф. Гордеев // Историко-правовые аспекты проблемы. — URL : <http://pandia.ru/text/79/235/74955.php>.
2. Великая Отечественная война по материалам Государственного архива Иркутской области: сб. документов. — Иркутск : Оттиск, 2015.
3. Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1946–1956 гг.) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1995. — № 5. — С. 3–13.
4. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и прим. Ю. П. Колмаков. — Иркутск : Оттиск, 2003. — 848 с.
5. Коробченко А. И. Политика Российских властей в отношении предпринимателей враждебных держав на Востоке страны в годы Первой мировой войны / А. И. Коробченко // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 165–168.
6. Лаптев Н. М. Патриотизм иркутян в годы первой мировой войны (по материалам летописи города Иркутска) / Н. М. Лаптев // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 337–339.
7. Малиновский Л. В. История немцев в России / Л. В. Малиновский. — Барнаул : Алтай, 2008. — 175 с.
8. Мантурова С. Ч. Социальное призрение беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны / С. Ч. Мантурова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2005. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. — С. 112–115.
9. Мигалев П. Иркутск в годы Первой мировой войны / П. Мигалев // Байкальские вести. — 2014. — 28 июля. — С. 1.
10. Неклюдова А. В. Рынок труда в городах Восточной Сибири в годы Первой мировой войны / А. В. Неклюдова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. — С. 197–200.
11. Новиков П. А. Иркутский военный округ в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] / П. А. Новиков. — URL : http://irkipedia.ru/content/irkutskiy_voennyi_okrug_v_gody_pervoy_mirovoy_voyny.
12. Первая мировая война в документах Государственного архива Иркутской области: сб. документов. — Иркутск : Оттиск, 2014. — 272 с.
13. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / И. И. Серебренников ; ред. сост. Г. С. Андреев, П. К. Конкин, П. А. Новиков. — Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. — 592 с.
14. Статистический ежегодник России. 1914 г. [Электронный ресурс]. — Пг., 1915. — Отд. I. — С. 33–57. — URL : <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php>.
15. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.): монография / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 356 с.
16. Шайдуров В. Н. Ликвидационное законодательство Российской империи и его влияние на формирование немецкой диаспоры в Сибири в начале XX в. / В. Н. Шайдуров // Немцы в Сибири: история, язык, культура / отв. ред. В. А. Дятлова. — Красноярск, 2004. — С. 72–75.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalak-av@bgu.ru.

Author

Alexander V. Shalak — Doctor habil. (History), Professor, Head of the Department of History and International relations, Baikal State University, 11 Lenin str., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Shalak-av@isea.ru.

УДК 338.22

ББК 65.02

И.Н. ШАПКИН

**НАУЧНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РОССИИ.
ОБЩЕСТВА ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ
РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ**

В представленной статье анализируется история возникновения, организационно-правовые формы и основные направления деятельности Общества для содействия русской промышленности и торговле, одной из первых научно-представительных организаций российского бизнеса.

Ключевые слова: предприниматели, государство, таможенные тарифы, бизнес-сообщество, Общество для содействия русской промышленности и торговле.

I.N. SHAPKIN

**THE SCIENTIFIC REPRESENTATIVE ORGANIZATION
OF RUSSIAN ENTREPRENEURS. SOCIETY
FOR THE PROMOTION
OF RUSSIAN INDUSTRY AND TRADE**

The article analyzes the origin, legal form and main activities of the Society for the promotion of Russian industry and trade, one of the first scientific representative organizations of Russian business.

Keywords: entrepreneurs, the state, customs tariffs, business community, The Society for the promotion of Russian industry and trade.

Первые общественные организации для защиты бизнес-интересов возникли в стране в 1860-е гг. Относительная либерализация политической жизни, стремительные хозяйственные изменения способствовали, с одной стороны, увеличению численности представителей бизнеса, а, с другой — росту его самосознания и организационного сплочения.